

Антропони́мы калмыцких *нойонов* в XIX в.

Антропони́мы калмыцких *нойонов* (князей) при тщательном анализе представляют собой ценный исторический источник. Закономерности развития антропони́мов калмыцких *нойонов*, их возникновение и изменения подчинены не только законам фонетики или морфологии, но обусловлены прежде всего развитием общества.

Не имея точных знаний о характере системы личных имен калмыцких *нойонов*, историк рискует допустить фактические ошибки: он зачастую даже может спутать тезок или разделить надвое одно и то же лицо, выступающее под разными именами.

Тщательное и углубленное исследование истории и быта калмыцких *нойонов* в дореволюционный период позволяет составить представление не только о привилегированном сословии, но и обо всем обществе. Калмыцкая антропони́мическая система издревле включала в наименование лица только два элемента: имя и отчество. Это было общим для всех слоев калмыцкого общества – как для *нойонов*, так и для *простолюдинов*. При этом особой популярностью в XVII–XVIII вв. пользовались двойные имена: хан *Дондук-Омбо*, дербетовские *нойоны* *Лабан-Дондук*, *Цебек-Убаши* и др.

Высшее сословие калмыков было наиболее подвержено ассимиляции потому, что после ухода большей части калмыков в Джунгарию в 1771 г. и последовавшей затем ликвидации ханской власти, Калмыкия стала частью Российской империи. Калмыцким *нойонам* пришлось идти на более частые контакты с русскими властями, чем во времена правления калмыцких ханов.

По указу, подписанному императрицей Екатериной II от 19 февраля 1771 г., ханская власть была уничтожена, а представители знати были поставлены в независимое положение друг от друга с предоставлением им прав по управлению каждому в своем улусе, под правительственным надзором. Калмыцкими делами ведала теперь Калмыцкая экспедиция¹. Отныне положение калмыцкой знати всецело зависело от степени ее взаимоотношений с русской администрацией.

В свете вышеизложенного представляется естественным, что калмыцкие нойоны одними из первых перешли к трехступенчатой антропонимической системе. Появление фамилий в калмыцком обществе знаменовало собой новый этап в истории калмыцкого общества. Российское правительство было заинтересовано в закреплении за нойонами фамилий ввиду их неизбежной и постепенной интеграции в состав российского дворянства.

Таким образом, в XIX в. у разных социальных групп внутри калмыцкого общества появились разные антропонимические системы: высшее сословие калмыков перешло на трехступенчатую систему, а низшее податное сословие придерживалось старой двухступенчатой. Только в 20-х годах XX в. после проведения массовой паспортизации населения все калмыки перешли на трехступенчатую антропонимическую систему.

Большинство калмыцких нойонских фамилий патронимичны. Так, знаменитая нойонская фамилия *Тюмень* произошла от имени основателя рода *Тюменя-Джиргалана*. Фамилия малодербетовских нойонов произошла от имени их родоначальника *Тундата*. Фамилии большедербетовских нойонов *Хапчуковых* – от *Хапчук (Хабчик)*, *Гахачевых* – от *Гаха*. Так же возникли фамилии многих мелкопоместных нойонов: *Натыровых*, *Батыревых*, *Буюнтуковых*, *Шараповых*, *Тапкаевых*, *Гюнгеевых*².

В редких случаях фамилии калмыцких нойонов образовывались от этнонимов. Так появилась фамилия нойонов *Деребетевых* от этнонима – *дербеты*.

Следует заметить, что фамилии у калмыцких нойонов появлялись и до уничтожения Калмыцкого ханства. Но это было связано со случаями вмешательства российского правительства во внутренние дела ханства путем христианизации. Когда в силу ряда обстоятельств те или другие представители калмыцкой элиты обращались в православную веру, они автоматически переходили к русской антропони-мической системе, так как после крещения они получали фамилию, имя и отчество.

Процесс принятия нойонами фамилий не был единовременным. Одними из первых фамилию получили хошеутовские нойоны *Тюмени* и малодербетовские нойоны *Тундут-вы*. Вследствие этого в один и тот же период существовали нойоны и с фамилиями и без фамилий. Однако уже к середине XIX в. все калмыцкие нойоны перешли к трехступенчатой системе.

Большим событием в истории калмыцких нойонов стало появление в обиходе русских христианских имен. Здесь также первопроходцами стала семья хошеутовских нойонов *Тюменей*. Принятие православной веры значительно ускорило путь к вхождению в состав русского дворянства для калмыцких владельцев. Крещение было последним шагом на пути к ассимиляции: в калмыцком обществе твердо укоренился обычай, что улусом может править только человек той же веры, что и его подвластные. Однако в 1848 г. младший сын гвардии ротмистра *Церен Дондук Тюменя, Церен-Дорджи* после крещения был наречен *Александром Ивановичем*³.

Иногда даже складывались интересные ситуации, связанные с этим обычаем. Например, когда в 1849 г. умер хошеутовский владелец *Церен-Дондук* и была учреждена опе-

ка в Улусном Зарго по случаю малолетства наследников, все они уже были православного вероисповедания и носили русские имена. Единственный же буддист в семье с калмыцким именем *Церен-Надмит* должен был стать в будущем владельцем Хошеутовского улуса⁴. Но со временем обычай терял свою силу. Достигнув совершеннолетия, *Церен-Надмит* без препятствий принял крещение и стал *Александром Александровичем*⁵.

Так же поступил в конце XIX в. большедербетовский нойон *Гахаев*⁶, и известие о его отступничестве от веры предков вызвало недовольство лишь малой части его подвластных.

Следует подчеркнуть, что появление фамилий у представителей калмыцкой знати связано прежде всего со вхождением калмыцкого народа в состав Российской империи. В подтверждение этого мы можем привести примеры наличия во всех фамилиях нойонов формантов *-ов-*, *-ев-*, *-ин-*, которые являются отличительным признаком русской антропонимической системы.

Переход к русской антропонимической системе имел свои причины. Одна из них состояла в том, что с ликвидацией Калмыцкого ханства калмыцкий народ стал частью Российской империи и нойонам, как его элите, невольно пришлось войти в состав русского дворянства и сохранить свое положение в изменившихся условиях. А это означало необходимость перенять весь дворянский образ жизни с обязательной службой в армии, со своим именем, домом и тому подобными атрибутами принадлежности к привилегированному сословию, в том числе и принятие фамилий.

Другая причина, вероятно, была чисто субъективной: калмыцкие нойоны, пользовавшиеся почти полным обожествлением в родных улусах, при более близком общении с русской элитой сделали для себя неприятное открытие, что для нее они не более чем азиаты, которые вызывают лишь

снисходительный интерес. Естественно, что ущемленное самолюбие требовало от них исправления этого положения.

Надо отметить, что в XIX в. был нередок переход личных имен калмыцких нойонов в топонимы. Многие топонимы Калмыкии и соседних регионов возникли от антропонимов калмыцкой знати: *Тундutowка*, *Замьяновка*, *Тюменевка* и др., указывающих на места их проживания.

Отдаленность от других монгольских народов привела к тому, что антропонимия калмыков вобрала много иноязычного и несвойственного для нее, о чем говорилось выше. По этим данным можно проследить пути миграции этносов, судить об их взаимосвязях и этнокультурных отношениях.

После ликвидации в 1771 г. Калмыцкого ханства в истории калмыцкого народа произошли значительные изменения – началась новая эпоха в генезисе кочевого народа. Калмыцкое общество стало частью Российской империи и с этого времени общественный строй начал медленно изменяться под влиянием событий, происходивших в России.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что калмыцкие нойоны в течении XIX в. перешли от традиционной калмыцкой антропонимической системы к русской. Этим они заметно отделились от прочих сословий традиционного общества, что явилось следствием событий 1771 г. и ликвидации Калмыцкой государственности.

¹ Митиров А.Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста, 1998. С. 143.

² Костенков К. Исторические и статистические сведения о калмыках кочующих в Астраханской губернии. СПб., 1870. С. 54.

³ Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. 145. Оп. 1. Д. 201. Л. 3.

⁴ НАРК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 350. Л. 54.

⁵ Там же. Л. 45.

⁶ *Kaarsberg H.* Among the kalmyks of the steppes... Bloomington, 1996. P. 551.